

ПРОЛОГ

Вашингтон, округ Колумбия

Он был точен в каждом движении: двигаясь навстречу, принимая ладонь для вежливого пожатия, провожая даму к столику и даже задвигая стул. Настолько восхитительно точен, что София позволила себе взвизгнуть. Разумеется, мысленно, сохраняя все необходимые внешние приличия, как и полагается исполнителю секретарю комиссии Конгресса по информационной безопасности.

— Надеюсь, вам не пришлось ждать, мистер...

— Кален. К вашим услугам.

Наверное, его улыбка умела и ослеплять, но сейчас она грела. Мягко-мягко, как уютный шерстяной плед, глинтвейн и потрескивающие в камине поленья.

— Я должна была сообщить, что задерживаюсь, но, к сожалению, не нашла номер вашего телефона. Вы ведь его оставляли?

Глупый вопрос и еще более глупая тема для начала беседы, но рядом с таким кавалером подсознательно хотелось и самой если не быть, то казаться безупречной. А визитная карточка, как назло, куда-то задевалась еще вчера вечером. София хорошо помнила скромный белый прямоугольник, слишком твердый для бумаги, но совершенно точно не пластиковый, с выпуклыми знаками на одной из сторон. Буквы и цифры. Исполнительный секретарь могла с уверенностью сказать, сколько их было в каждой строчке, но вспомнить начертание хотя бы одной почему-то никак не удавалось.

— Ничего страшного. Я всегда предпочитал личные встречи, мисс Эррера. Звуки живого голоса, а не многократно кодированную подделку.

Если это флирт, то очень необычный. Станный, но приятный. Приятный, но...

Что-то в учтивом собеседнике смущало Софию все больше и больше. Собственно, еще в самую первую встречу можно было отметить разительный контраст между поведением мистера Калена, кстати, идеально соответствовавшим его облику, и заявленным родом деятельности.

Высокий, мужественный, с иголки одетый блондин, словно сошедший со страниц модного журнала, назвался главным специалистом группы по обработке сигналов коммуникационных систем. То есть, проще говоря, программистом.

Исполнительный секретарь по долгу своей службы проводила львиную долю встреч с административными работниками айтишных компаний, но и тех, кто днем и ночью корпит над кодами, видела достаточно, чтобы заключить: прекрасный незнакомец просто не может относиться ко второй категории. Правда, и первая была ему явно тесна. Нет-нет, белокурый мистер Кален, скорее всего, один из владельцев или крупных акционеров фирмы, но если ему удобнее представляться сотрудником, почему бы и нет? Возможно, он просто не хочет пользоваться своим положением в личных...

София почувствовала, что мочки ушей начинают гореть, и это было тревожным сигналом. А если ее собеседник все-таки является специалистом по обработке таковых, то поймет происходящее ровно так, как оно того и заслуживает. Не то чтобы мисс Эррера была против небольшого романа, но именно сейчас, когда ее утвердили кандидатом на место ответственного секретаря, смешивать служебное рвение с личной заинтересованностью было бы крайне непредусмотрительно.

Нет. Нужно взять себя в руки. Немедленно!

— Вас что-то тревожит?

— Простите?

— Вы молчите уже полторы минуты, мисс. И я начинаю думать, что ваше молчание вызвано моими...

— О нет, что вы! Очень много дел, только и всего. Встречи, бумаги и снова встречи... Вы же знаете, как это бывает?

— Знаю.

Он не перестал улыбаться, только взглянул на собеседницу чуть пристальнее. И чуть настойчивее, чем секунду назад.

— Простите мою нетерпеливость, мисс Эррера, но, как вы правильно заметили, у каждого из нас много дел и лишь

одно — общее. Вернее, может стать таковым. О его ходе что-нибудь известно?

Казалось, в его лице ничего не изменилось, но камин, плед и глнтвейн бесследно пропали, как будто их не было с самого начала, и неожиданное преображение едва не застало Софию врасплох. От галантного кавалера — к холодному администратору? Не слишком ли резко?

— Документы для подачи заявления оформлены и поставлены в очередь.

— В очередь куда?

— На рассмотрение, разумеется.

— Вы можете конкретизировать?

Тон его голоса стал совсем холодным и сухим, как искусственный лед. Таким чужим, что исполнительному секретарю доставило истинное наслаждение перечислить все экспертные советы, подкомитеты, комитеты и комиссии, через которые предстояло пройти одной малопонятной, но многообещающей информационной технологии.

— Это все? — уточнил мистер Кален после заочной экскурсии по административным коридорам.

— Если не потребуется дополнительной сертификации. — София тоже позволила себе улыбнуться.

— Благодарю за информацию.

Он оставался невозмутимым и вполне доброжелательным, откланиваясь, но что-то подсказало исполнительному секретарю: больше они никогда уже не будут собеседниками. И заставило немного пожалеть о несостоявшейся интрижке. Но сожаление конечно же оказалось не настолько глубоким, чтобы София попыталась остановить уходящего мистера Калена или последовать за ним.

Сентябрь в Вашингтоне бывает жарким, как самая макушка лета, и мало в такие дни находится безумцев, предпочитающих кондиционированным сумеркам зала уличные столики, пусть и спрятанные под просторными тентами. Но двое все-таки добрались до кофейни «Марко» и без долгих раздумий устроились в плетеных креслах, почти у самого края тротуара — в двадцати футах от главного входа. В двадцати раскаленных футах.

Бьянка Палетти ругнулась, увидев новых клиентов. Разумеется, сделала она это очень тихо, можно сказать, одними губами, потому что хозяин ароматного заведения и по совместите-

льству родной дядя не поощрял подобное поведение на людях. Даже искренне уважая врожденный семейный темперамент.

Двадцать футов под палящим зноем. Много? Кажется, что совсем чуть-чуть, но колготки сразу стягивают ноги плавящийся панцирем, а белоснежная блузка начинает прилипать к спине на первом же вдохе.

— Что будете заказывать?

Мужчина улыбнулся и коротко ответил:

— Кофе.

Бьянка поднесла карандаш к листку блокнота и изобразила все внимание, на которое сейчас была способна, но клиент не соизволил ничего уточнять. Зато его спутница раскрыла папку меню и небрежно обвела кончиком пальца всю колонку.

— Вы уверены, синьора?

— Несите. Все и сразу.

Заказ был хорош только своей стоимостью и перспективой чаевых: протяженность списка означала по меньшей мере пару дюжин походов из кухонной жары в уличную и обратно. Но пусть клиенты выглядели слегка странновато, сомнения в серьезности их намерений почему-то не возникало, и Бьянка, спрятав раздражение под широкой улыбкой, отправилась радовать дядю грядущей незапланированной выручкой. Время от времени косясь в сторону любителей полуденного солнца.

Надо признать, мужчина как раз выглядел вполне подходяще для здешнего квартала, насыщенного всевозможными конторами, частными и государственными: костюм, галстук, «дипломат», гладкая выбритость и аккуратная стрижка. Вопрос вызывала только рубашка, застегнутая на все пуговицы: из тех ситимэнов, которых Бьянка провожала взглядами в последние дни, ни один не удержался от того, чтобы ослабить узел галстука. А этот сидел как ни в чем не бывало, словно существовал отдельно от жары или нашел способ заключить с ней перемирие.

Его спутница, такая же блондинистая, только гораздо суровее глядящая по сторонам и одетая как парковый рейнджер, тоже не обращала никакого внимания на палящий зной. Впрочем, не взглянула она и на первую порцию кофе. Наверное, потому, что тема разговора, начавшегося сразу же после оглашения «заказа» и не прекращающегося даже при очередном приближении Бьянки, была слишком серьезной.

— Расчетное время по алгоритму?

- От ста двадцати до четырехсот суток.
- Коэффициент возможного сжатия?
- Полтора. Максимум, один и три четверти.
- Слишком долго.
- Здесь хорошо варят кофе. Можно и подождать.

Значит, она все-таки не сумасбродка, а ценительница? Бьянка довольно улыбнулась. Да, дядя Марко — лучший бариста в округе.

- Каждые сутки задержки уменьшают эффективность на...
- Спустить эсминец под суборбиту?
- Это не вариант.
- Почему? Все пройдет быстро и четко.
- Так мы получим в лучшем случае полуфабрикат. Да еще и разносортный.

Эту часть беседы Бьянка не поняла совсем, но услужливо отправилась за следующим подносом.

— Период внедрения нужно свести к минимуму. Любыми средствами.

- Здесь в ходу только одно. Финансы.
- Ты слушала внимательно?
- Признаться, заскучала на второй дюжине комитетов.
- И в каждом придется заключать сделки. На нескольких уровнях.

- Так здесь живут. Демократия.
- С тиранами иметь дело гораздо проще.
- Особенно с такими, как ты, брат.

Они — родственники? Бьянка перевела взгляд с мужчины на женщину и обратно. Да, пожалуй. Если бы еще с блондинки снять дурацкую бейсболку, можно было бы сказать увереннее.

— Может, вернемся и пойдем привычным путем? По колониям?

- Они все под слишком пристальным наблюдением.
- И что? Мы кого-то боимся? Или стесняемся?
- Новые плантации никогда не будут лишними.
- Ну, если ты начнешь возделывать их прямо сейчас, наверное, в следующий раз твой выдающийся внук уже сможет...

— Адъютант, это очень печальная шутка.

— Прошу прощения, командер.

Оба — военные, что ли? Женщина-то да, словно недавно сошла с плаца, но чтобы этот элегантный синьор имел отношение к муштре и казармам? Бьянка недоверчиво еще раз окину-

ла взглядом фигуру блондина, с ног до головы. Нет, совсем непохоже.

— Я должен был это учесть. Все устойчивые... нет, устоявшиеся системы грешат длиной управляющих цепочек. И чаще всего каждое звено довольно своим положением. Нужно искать что-то достаточно развитое, но подвижное.

— Мне недавно попадалась одна фраза... Подожди. О, вот. Ловить кого-то в грязной... взбаламученной... А, мутной! Мутной воде.

— Рыбу?

— Да, именно так.

— Звучит любопытно. Откуда это?

— Другое полушарие.

— Уровень технологий?

— Аналогичный.

— Насколько?

— Ровно тот же самый. Там почти не ведут собственных разработок, пользуются чужими.

— Богатая страна?

— Считается, что да. Но большинство наблюдателей утверждает, что покупать там не любят, предпочитают...

— Брать?

— Именно.

«Да где же не берут!» — чуть было не воскликнула вслух Бьянка. Какой человек удержится от дармового дохода? Если он, конечно, человек, а не святой или...

— Это нужно попробовать.

— Нет-нет-нет, капучино я не отдам даже любимому брату!

— Я говорю не о кофе.

— Знаю. Но сначала закончим пробовать тут.

— А эта пенка действительно такая вкусная?

— Верни! Верни сейчас же!

Санкт-Петербург, Россия

Большую часть рабочего дня Елена Васильевна Голубева откровенно скучала.

Нет, работа у нее была замечательная. Хорошо оплачиваемая, непыльная, требующая в основном умения стучать по клавишам, внимания к документам и грамотно поставленной речи. Но волнительно и интересно консультировать только первые несколько сотен патентных заявок, а потом все изобре-

татели и рационализаторы сливаются в одно большое безликое облако. И хочется открыть окно настежь, взмахнуть газетой и выгнать этот скучный туман к чертовой ба...

Телефон заверещал птичьей трелью. Елена покосилась на всплывший номер, тяжело вздохнула и ткнула пальцем в клавишу.

— Ленусик-пусюсик, ну ты как сегодня?

Галка. Опять со своим приставучим предложением прогуляться по клубам. С одной стороны, чем еще заниматься серыми осенними вечерами? Там ведь хорошо. Музыка, коктейли, мальчишки, вежливые либо нарочито грубые — на выбор. Но с другой...

Возраст дает о себе знать. Душа все чаще и чаще просит. Чего-то. Может, тех же прогулок, но по набережным или по тихим аллеям, и чтобы не чужие жадные лапы на заднице, а галантное «под локоток», чтобы не желание, а уважение, не суетливый трах-тиби-дох, а...

Господи, всего ведь тридцатник стукнул, откуда такие мысли?

— Извини, я сейчас не могу говорить. Клиент пришел.

Врать Елена Васильевна научилась давно, и все же каждый раз почему-то чувствовала себя неловко. Можно было, конечно, пользоваться автоответчиком или вовсе игнорировать отдельные звонки, но это больно ударило бы по кругу знакомств, а в нынешнее время без связей — никуда. Пусть донельзя опостылевших и нередко просто омерзительных. Вот если бы можно было каждому из звонящих отвечать то, что хочет услышать именно он...

Взгляд Елены Васильевны рассеянно скользнул по сложенным в стопки бумагам.

Что-то такое ведь было. Совсем недавно. Заявка. Еще парочка ее подавала такая, своеобразная. Парень и девица. Он — типичный «ботаник», в жутких очках с разноцветными стеклами, она — то ли хиппи, то ли рокер, то ли просто уличная бандитка: ни слова не произнесла за всю встречу, но смотрела так жутко, что пальцы по клавишам не попадали. Вот приятель ее тараторил не переставая, на одной ноте. И глаз не поднимал от своих листков, которые мял, тискал, жулькал, а потом благополучно рассыпал по полу. Одно слово, умник. Но идею представил интересную. И даже не идею, а готовый к внедрению программный комплекс.

— Как поживает моя скарабейка? Нарыла чего новенького? Все-таки у Макса нюх. Сверхъестественный. Стоило только подумать о выгоде, он тут как тут.

— И тебе доброе утро.

Макс, то есть Максим Сергеевич, занимал в конторе должность, лаконично поименованную «консультант», но ходили слухи, что является он едва ли не одним из соучредителей или даже главным акционером.

Бодрый, молодцеватый, подтянутый, был он вроде отставником из органов, внешних или внутренних — история умалчивала. И очень любил повторять, к месту и просто так: «Прежде думай о Родине, а потом — о себе».

— Порадуешь чем али огорчишь? Как у нас сегодня с температурой по больнице?

Изобретателей Макс не любил. Хронически. Наверное, потому что не понимал. И копался в чудесах науки и техники с отвращением, но тщательно. Видимо, чувствуя: однажды телега с пряниками должна перевернуться и на его родной улице.

— Средняя. Как обычно. Хотя...

— Я тебя внимательно слушаю.

— Есть кое-что. Вроде очередная «аська», но автор обещает совсем другой уровень общения.

— Телепатически, что ли? — хмыкнул Макс.

— Да ну тебя, в самом деле... Нет, все понятное и привычное. Даже забавное. Программа создает в сети твое подобие. Модель, поведение которой полностью соответствует твоему.

— Жарит шашлыки по субботам, что ли?

— На звонки отвечает. На переписку. И вообще. Вот не хочется тебе с кем-то разговаривать, и не надо. Она поговорит.

— Что-то нового ничего не слышу. Было такое и есть.

— Автор утверждает, что собеседник не поймет, с кем имеет дело.

— Это как?

— Совсем не поймет. Будет думать, что ты лично ему отвечаешь.

— Брехня, — резюмировал Макс, плюхаясь на диван.

— Может, и брехня, но хочется верить, — мечтательно посмотрела в потолок Елена Васильевна. — К тому же тестовая часть у него большая и серьезная. Я мельком вопросы и ответы просмотрела: что-то в них есть.

— Вопросы?

— Да, все как положено.

— Личного характера?

— А какого еще? Ты же свою модель строишь, а не чью-то еще.

Глаза Макса сузились, как бывало всякий раз, когда на горизонте начинало маячить что-то среднее между государственной наградой и существенным пополнением депозитов в зарубежных банках.

— Значит, сбор информации? Так-так-так... Ну-ка, дай глянуть.

ВАХТА ПЕРВАЯ

«Зоя Аркадьевна Семенова. 1921—2013».

Простой полированный гранит, такой можно увидеть на любой из набережных. Серые крапинки, розовые, мутно-белые. Покажись сейчас из-за деревьев солнце, плита наверняка заблестела бы, но ясные дни по осени — нечастые гости в наших краях.

Никаких надписей. Никаких статуек, скамеечек и оградо-чек: только белый, как снег, песок, на котором не найти ни единого следа. И цветов у подножия нет. А соседние могилы сплошь завалены пышными венками. «Любимому», «Дорого-му», «Заслуженному», «От скорбящих детей», «От безутешных родителей».

Ленты мокрые после вчерашнего дождя, позолота букв потускнела, стыдась неискренности хоронивших и поминавших, но все равно это лучше, чем вот так, без малейшего намека на то, что упокоившаяся в земле женщина была и матерью, и бабушкой, и просто замечательной подругой. Человечнее.

Конечно, это его дело. Сына. Афанасия Аристарховича. Ладили они или нет, не мне судить. Но старушка была милейшая. Хрупкая, нежная, светлая. Даже светящаяся. Улыбчивая до невозможности. И по этой улыбке сразу становилось понятно, почему у Зои Аркадьевны было столько друзей. Жаль только, что пережила она их всех и на похоронах от лица всех почивших подруг присутствовал только внук последней. Я то есть.

Моя бабушка лежала не здесь. Но последние пристанища их обеих были странно похожи друг на друга: и там, и тут — один бездушный камень.

Место на кладбище мне было не по карману, так что пришлось согласиться на крематорий. Конечно, Зоя Аркадьевна не отказала бы в нижайшей просьбе — никогда никому не от-казывала, такая уж была женщина — но и она сама год назад

была уже слишком плоха, чтобы замечать мир вокруг себя. Старость не радость, как говорила бабушка. Правда, почему-то всегда добавляла: а молодость — еще хуже.

Но зато к этой могиле всегда можно было прийти. Посто-ять, помолчать и набраться сил перед возвращением туда, где о смерти думают исключительно в коммерческих интересах.

— К хозяину загляни. Звал.

Амбал по имени Серега всегда выдавливал из себя слова с таким трудом, как будто ему приходилось вспоминать алфавит, но к этому я привык довольно давно и довольно быстро. А вот то, что их сиятельство Афанасий Аристархович желают меня видеть, тревожило каждый раз точно так же, как в самый первый.

Ничего позитивного от разговора с непосредственным начальником ждать не приходилось. И хотя краснеть было не за что, оправдываться — вроде бы тоже, в груди снова нехорошо похолодело. Ладно хоть не кольнуло, а то бывали случаи, бывали. И далеко не всех после коротенькой беседы с господином Семеновым А.А. успевали откатать.

Хозяйский кабинет располагался в новом флигеле, недавно отстроенном, в окружении стекла и металла, и в принципе, однажды взглянув на местный интерьер, можно было не задаваться вопросом о могиле матери. Здесь все было точно таким же: жестким, холодным и стерильно-безжизненным, начиная от шелка обоев и заканчивая мрамором на полу. Правда, примерно посередине все-таки нашлось место и для условно живой души, но ощущения обитаемости она кабинету не прибавляла.

— А, Стасик!

Произносил он мое имя примерно так: «Стасы-ык». Цедя сквозь зубы. Утешало лишь то, что тон его голоса звучал одинаково почти всегда, даже при общении с собственной, единственной и любимой дочерью.

А вообще, Фаню, как его называла Зоя Аркадьевна, искренне боялись все. Особенно те, кто в конце прошлого века дали ему прозвище «Семь на восемь». О том, что именно оно означало, никто из приближенных не распространялся, но ходили слухи, что именно таких размеров в итоге оказалась яма, куда скинули всех неудачников, пробовавших перейти Фане дорогу. И лично я не собирался выяснять, сколько в этой истории вымысла.

- Как жизнь молодая?
- Вашими заботами, Афанасий Аристархович. Идет.
- Вижу, что идет.

Лицо его никогда и ничего не выражало. Правда, если бы в прозрачных стылых глазах вдруг появилось какое-нибудь чувство, ситуацию это к лучшему изменило бы вряд ли.

- Я тебя ждал. Час назад.

Отчаянно хочется сглотнуть. Только нечего: во рту пересохло напрочь.

- Сереженьку за тобой посылал.

А у Сереженьки, конечно, рта нет, телефона тоже, и номер мой он в свой блокнот с обложкой из крокодильей кожи никогда не записывал?

- Сказал, нет тебя на месте.

Всегда этому поражался. Знает же прекрасно, что у меня места работы как такового нет. Офиса, в смысле. И даже мало-мальского кабинетика. Единственное «мое» место — спальное, а на дворе у нас сейчас совсем не ночь.

— Афанасий Аристархович, мне по делам нужно было отлучиться.

— На кладбище ты был, Стасик. С покойниками дела ведешь, что ли?

Был бы тут Сереженька, заржал бы аки жеребец. Еще бы, их вельможное сиятельство изволили шутку пошутить! А мне без разницы, что улыбаться, что на колени падать, поэтому стою и молчу. Преданно глядя в тяжелый двойной подбородок.

— Ну не бойсь, не бойсь, не обижу. У меня с мертвыми свои терки, у тебя — свои. Это я уважаю.

Что-то Фаня сегодня на редкость благодушен. Не к добру, ой не к добру...

- С Гургеном уже познакомился?

С Пургеном-то? А как же. «Алиса — это пудинг. Пудинг — это Алиса».

- Да, меня представили Гургену Вазгеновичу.

- Представили, говоришь? Хорошо, что не преставили.

Новая шутка, но репертуар все тот же. И холодно стало, кажется, уже не только груди, а еще и спине.

- Дела ему передашь.

- Какие дела, Афанасий Аристархович?

— Свои, не мои же. Откуда я знаю, что там у тебя? Сам сообщай.

Я-то уже сообразил. Почти. Только верить не хочется.

— Гурген Вазгенович будет заниматься домом?

— Имением, — поправили меня. Вроде бы бесстрастно, но или глюки у Стасика образовались на нервной почве, или Фаня раздулся больше обычного. От внезапно нахлынувшей важности.

— Я подготовлю бумаги, Афанасий Аристархович.

— А куда ж ты денешься? И смотри...

Еще одна угроза? Да мне и предыдущих хватает по горло.

— Можешь шибко не торопиться. Что я, зверь какой? Доделаешь все, как надо, и свободен.

— Я могу идти?

— Да иди уже. Только туда, где сегодня был... туда тебе пока рановато, я считаю. Уяснил?

Сглотнуть удалось только за дверью кабинета. И слюна оказалась горькой на вкус.

С «имением» Фаня если и перегибал палку, то на пару дюймов, не больше, потому что комплекс зданий, доставшийся ему в наследство от безвременно почивших соратников по совместному бизнесу, занимал целый квартал: между Косым каналом и Мойкой, от Михайловского переулка до Казарменного. Казармы, кстати, тоже имелись в наличии. Самые настоящие. Выстроенные некогда для личной гвардии, отделенные от генеральского дома глухой галереей, опоясывающей внутренний дворик. Вернее, дворище с остатками регулярного парка и широченной аллеей, подходящей прямо к парадному крыльцу. А вот уже от нее во все стороны лучами разбегались...

— Какого... Ма-ать!

Чудесный, только весной утрамбованный до нужной твердости песок, медленно, но верно покрывался мерзким серым киселем, лениво текущим из жерла бетономешалки. Стоящей на газоне. Прямо в розовом кусте.

— Нашальник опять маму поминает. Тоскует, — авторитетно объяснил копошащимся у вязкой лужи работникам их старшина. Или правильное говорить: старейшина?

Хотя он, безусловно, был среди них самым старшим. Низенький, смуглый, неизменно улыбчивый уроженец какой-то из азиатских республик, откликающийся на имя Шамшат. Как его звали на самом деле, я мог только гадать, потому что соплеменники обращались к нему, используя родные эквиваленты

слова «дядюшка», а кроме меня с этой ордой напрямую никто из носителей русского языка не общался.

— Вы что делаете?

— Дорога будет. Крепкая, ровная. Сухая будет.

Ну это еще бабушка надвое сказала. Да, даже моя. Если вспомнить прошлогоднее творчество Шамшата со товарищи, чего-чего, а сухости никак не случится. Особенно после очередного дождя.

— Кто велел бетонировать?

— Нашальник велел. Ты нашальник, он тоже нашальник. Новый будет, говорят.

И конечно, нового надо поскорее умаслить. Какую бы глупость ни придумал.

— Да вон он ходит, сам спроси, если не веришь.

Да уж, ходит... Катится, как колобок.

— Добрый день, Гурген Вазгенович.

— Какие-то проблемы, Станислав Валерьевич?

Надо же так уметь, чтобы обращаться к человеку по имени-отчеству, а звучало это как оскорбление... Талант. Несомненный.

— Вопрос. Один.

Брови встали домиком. Черным проволочным домиком.

— Я вас внимательно слушаю.

— Без бетона разве никак не обойтись? Нарушается же целостность всего ансамбля. Но это ладно, можно заретушировать... А дренажная система? Вы подумали, что станет с газоном?

— Станислав Валерьевич, вот вы уже давно знаете Афанасия Аристарховича, а так и не поняли, что господин Семенов — человек современных взглядов, устремленный, можно сказать, в будущее, нашедший в себе смелость сбросить оковы устаревших...

Ясно, чем он его взял. Модные веяния, инновационные технологии. «Мы наш, мы новый».

— Допускаю, что этот ансамбль, как вы утверждаете, представляет собой определенную архитектурную ценность, но поскольку он не был внесен в перечень памятников...

Он мог бы им стать. Зоя Аркадьевна хотела тут жить и жила. Даже просто в память о ней было бы правильно сохранять и поддерживать то, что радовало эту женщину на склоне лет. Не

говоря уже о том, что мода на псевдодворянские поместья не прошла и проходить пока не собиралась.

Правда, где Фаня и где дворяне? Максимум дворян рядом пробегала. Так что все правильно: газоны вытоптать, дорожки забетонировать, кусты вырвать с корнем, стены защитить пластиком или замазать штукатуркой, стеклопакеты поставить. Какие еще будут креативные идеи?

— Вы меня слушаете, Станислав Валерьевич?

Безнадежно. Это совершенно безнадежно.

— Я вам завтра передам всю документацию, Гурген Вазгенович. Самое позднее к вечеру.

— Послезавтра. Завтра мы с Анжелой Афанасьевной едем смотреть летний дом.

Все, добил. Стасика можно уносить. Только кто ж бесплатно согласится? Нет, придется самому топтать прочь. Ножами.

— Ваш заказ готов, можете забирать.

Хорошо, что копировальный центр недалеко от дома, иначе пришлось бы вызывать такси, чтобы притащить обратно отксеренную в тройном количестве кипу бумаг. Подозреваю, что Пургену на всю эту документацию начхать, но раз уж по инструкции положено, получит все в комплекте. А то вдруг Фаня, не приведи господи, читал, чего и сколько я должен сдать?

Тележка, в которую кое-как поместились чертежи, схемы, сметы и инструкции, осталась от бабушки: та ходила с ней по магазинам, пока еще могла ходить. И помогать не позволяла. Говорила, чтобы не брал на себя лишнего. Заботилась...

Я, наверное, для нее тоже был чем-то вроде груза. Пусть и своего, родного, но все-таки тяжелого. Потому и пыталась пристроить, как могла. Устроить то есть. Подругу старинную разыскала, хотя это было совсем непросто сделать. Главное, ушла в мир иной, веря, что у меня по жизни все складывается, вот что хорошо. И я тогда, кстати, тоже верил в нечто подобное. Пока не начались всяческие изменения в хозяйской среде.

Красиво, когда тротуар плиткой выложен, ничего не скажешь. Но тот, кто этим занимался, хоть бы сам раз попробовал через швы тележку катить! Только бы не развалилась на ходу, иначе...

— О, кого я вижу! Стас Батькович собственной персоной!

Его мне точно не хватало. Сегодня. Для полного счастья.

— Ты, я смотрю, тоже при колесах? Только не маловато ли их?

Таким Витька Погорелов не отличался никогда. Тонким юмором — тоже. Правда, я бы на его месте, то есть небрежно облокачиваясь на капот серебристого двухместного «порша», наверное, шутил бы еще толще. Особенно если бы нашлось над кем.

— А сил сколько? Одна?

Подвизался он то ли в банке, то ли в инвестиционной компании, под крылом доброго дядюшки, громко называясь начальником какого-то начальника и его начальников. Сомнительно только, что часто показывался на работе: время детское, едва три часа пополудни, а Витька щеголяет не в костюме, а в фирменной куртке. Ну да, все с той же эмблемой, что и на радиаторе кабриолета.

— А ты, я смотрю, совсем «запоршивел»...

Мне-то казалось, что я это подумал, а на самом деле сказал. Вслух. И достаточно громко, чтобы Витька нехорошо так подобрался и сделал шаг в мою сторону.

— Вот что я тебе скажу, Стасик...

Окончания фразы я, к счастью или к сожалению, так и не услышал. В первую очередь из-за того, что в тротуар между нами вонзился обрывок жести, прилетевший откуда-то сверху. И именно вонзился, войдя ровнехонько в шов между плитками, как нарочно посланный снаряд. Громыхнул, потрепетал немного и замер.

Вместо того чтобы покинуть опасную зону, мы оба почему-то рефлекторно посмотрели вверх: я с нездоровым интересом, Витька — с определенной озабоченностью. И сверху на нас, что характерно, тоже посмотрели: блондинистый парень со смутно знакомой физиономией.

— Здесь еще много мусора, — улыбаясь, сообщил он, обращаясь вовсе не ко мне.

Витька понял намек сразу и отвалил. Вместе с «поршем». А я снова задрал голову.

— Никаких проблем? — спросили сверху.

— Никаких.

— Вот и отлично.

Он выпрямился, исчезая из виду, но потом снова перегнулся через ограждение:

— Помощь нужна?

Он про тележку, что ли?

— Сам справлюсь.

— Сам так сам.

Опять исчез. Ну да, разговор окончен. И логически, и физически. Так какого черта я все еще плясую в небо над карнизом?

Чем дешевле покупной сервис, тем больше пашешь сам: черта лысого копии были разложены по порядку. Но хоть денюжки сэкономил, и то ладно. Деньги у меня теперь наперечет, каждая. Деньга. А вот времени — вагон, раз уж сам Фаня благодушно разрешил «не торопиться». Правда, дурака валять все равно не стоит. Днем больше, днем меньше — а полечу я скоро из этого дома далеко-далеко.

Кстати, о доме. Энтузиазм хоть и умирает на глазах, а вечерний обход никто не отменял. Тем более скоро господа-хозяева изволят собраться в родных пенатах после трудов, праведных и не очень. Понятно, что напоследок пытаться угодить — затея глупая и бездарная, но себя надо уважать. Хоть изредка.

М-да, не парк у нас теперь, а то ли передовая времен Первой мировой, то ли египетская пустыня в преддверии пирамидного бума. Странное дело: вроде и бригада у Шамшата аховая в смысле трудолюбия и скорости работы, а изгадить ухитрились... Не то что больше необходимого, а просто — всё. На газон без слез смотреть уже невозможно. На кусты лучше вообще не смотреть. И конечно, погоды у нас стоят самые подходящие для бетонирования, да? Сколько эта пакость будет застывать? Я в любом случае уже не увижу результат инновационной деятельности Пургена. Впрочем, и слава богу!

А вот тут уже не до славословий. Мать-перемать...

Роскошный ковер на лестнице. Был. Настоящий бархат, отреставрированный. Даже оригинальный цвет удалось вернуть, в точный тон к стенной росписи. А зачем, спрашивается, если теперь по глубокому багрянцу пролегает тропа каменного гостя? Вернее, бетонного.

И конечно, все уже засохло. Насмерть. Наверное, полчаса назад произведение искусства еще можно было спасти, вот только спасатели местные — такие отзывчивые люди...

— Зульфийат Мамедовна!

— Курлы-мурлы?

— Вашим заботам поручена входная зона, правильно?

— Мурлы-курлы.

— Вы там давно последний раз были?

Глазки хлопают, пальцы бегают. По экрану телефона. И так каждый день, с утра до вечера. Если бы я столько времени проводил онлайн, давно бы по миру пошел. Тариф у них, что ли, какой-то свой особый, безлимитно-беспроцентный?

— Зульфият Мамедовна, нужно быть немного внимательнее.

Закивала, часто-часто. И смотрит понятливо, и с виду — сама исполнительность, а стоит мне зайти за угол, снова пригнется к вазе и начнет курлыкать с кем-то о своем, о девичьем.

С одной стороны, неплохо было бы знать, что означает весь этот птичий базар, с другой... когда Шамшатовы воробьи чирикают, лучше о сути происходящего не задумываться.

— Зульфият Мамедовна!

— Курлы-мурлы?

Ведро-тряпка-швабра, марш! Вот как надо руководить персоналом. И поймет ведь все, особенно то, что скрывается за словами. Потому что не было у нее бабушки, любящей повторять лозунг про почетность любого труда.

— Когда закончите переговоры, пройдитеесь, пожалуйста, по коридору.

— Мурлы-курлы, мурлы-курлы!

Что ж с ковром-то делать? Уничтожать последствия катастрофы, пока следы Командора не стали достоянием широкой общественности. Пока закатаю к перилам, потом спущу вниз, в подсобку. Тяжелый, сцука... Позвать кого, что ли? Который у нас час?

Хрена их дозовешься, работников. Вечерний отмаз в разгаре. То есть намаз. Война войной, обед обедом, как и положено.

Нет, я не против. Хоть Иисус, хоть Аллах, хоть Будда — верьте на здоровье. И традиции соблюдайте, кто ж вам мешает? Но почему всякий раз, когда требуется быстрое и немедленное реагирование на внештатную ситуацию, рядом вечно никого не оказы...

Цок-цок-цок. Дыша духами и туманами.

— Доброго вечера, Анжела Афанасьевна!

Духов, кстати, она изрядно на себя выливает. Так что запах и впрямь туманит глаза, а рассмотреть прищелицу хочется по-лучше, ибо есть куда взгляд приложить.

Еще в школе расцвела, класса после пятого. На третий год обучения в этом самом классе. А потом любящий папочка спешно сплавил дочурку подальше от позора, в какую-то элитную гимназию, где, судя по результатам, явленным Анжелкой по возвращении, не набирались ума, а старательно учились создавать его видимость.

Но впечатление производит, да. На все органы чувств сразу: даже голос не подкачал. Беседу только лучше не заводить, особенно долгую и требующую размышлений. Просто любуйся тенью задумчивости на прекрасном лице и молчи. В тряпочку.

Цок. Цок. Цок. Цыррр!

Не предназначены шпильки для каменных ступенек, вышербленных историй. Красиво, соблазнительно, но крайне травмоопасно. Хотя мне-то чего жаловаться? Ведь благодаря дамской прихоти держу в руках... Себя пока еще тоже держу, конечно, но Анжелку — в первую очередь.

— Ой.

Кукла. Если смотреть издалека. А вот если волей случая дотронуться, делаешь открытие почище, чем те, великие мореплавательские.

— С вами все хорошо, Анжела Афанасьевна? Не ушиблись?

Реснички опускаются и поднимаются чересчур плавно. Отрепетированно. Можно биться об заклад: дочка Фани даже не поняла, что именно произошло.

— Будьте осторожнее, я вас сейчас отпущу.

Хотя и не хочется. Совсем-совсем. Потому что Анжелка теплая, мягкая и податливая. Мечта всех парней в округе. А кто способен выпустить мечту из рук, да еще по собственной воле?

— Где же ты, моя Желико...

Тоже мне, Соткилава нашелся. Успешно гробит все, к чему прикасается. И памятники архитектуры, и музыку.

— Желико?

О, какие интересные новые нотки в голосе! Поздравляю тебя, Стасик, ты балбес. Тормоз то есть. И отпусти ее уже, хватит лапать! Не твое приданое.

— Желико, свет очей моих, что происходит?

— Гурген Вазгенович, вы все неправильно поняли...

Почему эта фраза, справедливая в каждом случае, когда используется, всегда звучит совершенно по-идиотски?

— Я не к вам обращаюсь, Станислав Валерьевич.

— Гугочка? Гугочка!

Только языка высунутого не хватает, как у собачки. А ведь радуется искренне, ничего не скажешь. То ли и впрямь есть что-то такое в Пургене, женщин покоряющее на два счета, то ли мозги Анжелкины сохнут год от года все быстрее.

— Гугочка, а мы завтра поедем на воды?

На гнусный серый мелкий залив вы поедете. Будете гулять по бетонному причалу и с французским прононсом кидать в пространство пространные же замечания о наступающей осени.

— Желико, свет очей моих... Нет, не поедем.

— Как же так, Гугочка? От меня уже все ждут фоточек!

— Будут фоточки, Желико, сколько пожелаешь, но не завтра.

— Но, Гугочка...

— Завтра я собираюсь лично убедиться, что Станислав Валеревич покинул пределы этого дома.

Если уж попадать в дерьмо, так по полной программе, правда, Стасик? Плакали твои наивные планы на поэтапное выселение: не съедешь до полудня, как тебе прозрачно намекнули, получишь путевку от Пургена. С местом назначения на его усмотрение. А заступаться никто не станет, это и ежу понятно.

Ну хоть Анжелку успел потискать напоследок: будет что рассказывать на старости лет. Еще бы слушатели нашлись...

Интересно, сегодня полковнику опять никто ничего не написал? Пока мыло-сервер главную страницу не загрузит, не узнаю. А случится это... Что наши умелые связисты с вай-фаем снова начудили, кто бы ответил? Не подключение в последние дни стало, а дорога в тысячу ли, первым шагом по которой становится...

Кто бы сомневался!

— А твой аватар уже онлайн? — прогремел из колонок и одновременно высветился в середине экрана изрядно опостылевший мне вопрос.

Следом всплыла безликая, условно женская фигура. Безликая в прямом смысле: деталь пазла, который пользователю предлагали сложить, все еще оставалась непроглядно серой, лишний раз доказывая, что даже на такую мелочь у Стасика не хватило ни времени, ни желания.

По сути это был всего лишь индикатор работы программы, и, до конца заполненный, он открывал доступ к твоему лично-

му представителю в Сети. Причем не просто картинке, пусть и отражающей тебя лучше зеркала. В комплекте шло все, что могло понадобиться при имитации общения, даже смена настроения в зависимости от погоды, биржевых сводок, новостей спорта, дурного сна, плохого аппетита и кучи других факторов. Как этого добивались программеры, для меня было загадкой. Да, можно предсказать реакцию на какое-то внешнее событие, благо информация о нем общедоступна, но то, что происходит у тебя с самим собой наедине... Если это все розыгрыш, то гениальный, ничего не скажешь. И очень реальный, потому что готовые аватары приятелей, навещавшие меня, были до жути похожи на своих хозяев.

Вот этот, например. Вадька Торопов, мой одноклассник, он же «Кардинал Сиз», заместитель клан-лидера из «Мира миров». Маячит в углу укоризненным напоминанием и хмурится гораздо выразительнее, чем во плоти.

Пару минут погодь, ладно? Пока с почтой не справлюсь.

М-да, снова пусто. Рекламный спам не в счет, хотя и его непривычно мало. Верный признак снижения моей сетевой активности, кстати. Но пара недель после похорон Зои Аркадьевны выдалась слишком нервной и мутной, чтобы подолгу зависать за компом. Сначала инвентаризация имущества, потом перепланировка помещений и ремонт — одни дизайнеры чего стоили со своими выкрутасами на тему инженерных коммуникаций! Про рабочих вообще молчу. Шамшата с бригадой до такого тонкого дела, как бывшие господские комнаты, не допустили, но «приглашенные специалисты» по факту свинячили ничуть не меньше и, что особенно пикантно, как начальнику, подчинялись не мне. Да-да, все тому же Пургену. Вот и приходилось тратить силы на самое бесполезное на свете занятие: слежку за дюжиной проказников, норовивших одновременно устроить потоп, пожар и обрушение несущих конструкций. Какая уж тут Сеть?

Ответов на резюме нет. Ни одного. Не говоря уж о приглашениях на собеседование. В принципе вполне ожидаемо. Последним текущим местом работы я что указываю? Правильно, владения Фани. А кто из разумных людей рискнет нанять специалиста по эксплуатации, имевшего дело с господином Семеновым? И нет никакой разницы, уволюсь я по собственному желанию или буду выдворен за порог по хозяйскому капризу: трудовое сотрудничество с Афанасием Аристарховичем всегда

выглядит подозрительно. И во время, и по завершении. Соврать? А толку? Проверят, и будет только хуже. Так что придется искать другую сферу применения знаний и умений.

— Тук-тук-тук!

О, Вадька, похоже, появился самолично: аватар засиял ярче прежнего, и картинка, если так можно сказать, углубилась, становясь... Это не видео, просто не может им быть, но эффект стопроцентный. И почему-то слегка пугающий.

— Стас, где брюквя?

На грядках, где же еще. В огороде.

— Не молчи, я знаю, что ты в доступе!

Еще одно милое свойство той же программы: после первого запуска отключить ее оказалось невозможно. Только вместе с компом.

Всего лишь еще один мессенджер, правда, интегрированный везде и всюду. И как в один голос твердят все знакомые, очень удобный. Вот не хочешь ты разговаривать с человеком... не важно почему, хоть из вредности, хоть из стыда. Тогда и запускаешь своего аватара в автоматическом режиме, и чудо программерской мысли все делает за тебя. Как двое из ларца, те, что одинаковы с лица. А твой собеседник пребывает в полной уверенности, что на связи именно ты.

У меня, конечно, нет такого количества контактов, чтобы подсовывать вместо себя электронную копию, но немного обидно думать, что у других игрушка есть, а у...

Честно пытался справиться с этим тамагочи. Даже ответил на первый десяток вопросов. Но когда начались задания типа: «Вы — на пороге комнаты, заполненной людьми. Ваши произвольные действия: а) осмотреться, б) остановиться, в) занять свободный стул, г) найти себе пару, д) пройти дальше, е) хлопнуть дверь», пришлось сдаться.

Не люблю тесты, хоть текстовые, хоть анимированные. Потому что понятия не имею, как поступлю, случись нечто подобное в реальной жизни. А играть в театр одного актера — идиотизм. Зачем представлять себя в ситуациях, которые вот прямо сейчас, в эту самую минуту, не происходят? Добро бы было что-то полезное, тренирующее, задающее шаблон поведения на вполне определенную жизненную коллизию...

Шаблон, ага. Опять же конструктор. Если, то, иначе, и ни

шагу в сторону. Удобно, наверное. Особенно для того, кто шаблоны эти кропает у себя в лаборатории.

— Стас!

Я громкость динамиков не повышал, откуда же такой ор? Или Вадькин аватарчик шалит? Не удивлюсь, если электронное чудо добралось до настроек: удаленный доступ еще никто не отменял.

«Тут я, тут».

— Гарнитуру так и не поменял?

Не слышит моего голоса и бесится. Каждый раз одно и то же.

«Некогда было».

— Ну конечно, ты ж у нас самый занятой на свете человек!

Ему хорошо говорить: сидит в офисе дни напролет и всегда на связи, что называется. Правда, иначе не выбился бы в руководители. Главное в игре ведь что? Контроль над игроками. Постоянный и неусыпный.

— Так что там с брюквой?

А я откуда знаю? Вчера вроде сажал. Или позавчера? А убирать надо было...

Ой-ой-ой.

«Извини».

— Засушил?!

«Вадик, у меня сейчас такая ситуация...»

— У нас у всех сейчас ситуация будет! Рейд на носу, а тоников не наварено!

Вообще-то купить все это можно. На свободном рынке. Но, естественно, не за копейки. И хотя у того же Вадьки игровой валюты полны закрома, он удивится потратить хоть монетку, если можно получить искомое бесплатно. За мой счет то есть.

— Я только-только уговорил парней взять тебя в пати, вешал всем на уши, какой ты полезный член клана...

Что, правда? Не верю. Еще один крючок с наживкой, только и всего. После провала с предыдущим сорванным рейдом мне рассчитывать не на что. А сколько было ожиданий! Гордости даже. Но на середине боя с первым же боссом в западном флигеле лопнула труба с горячей водой, и вместо рисованных монстров Стасику выпал квест с аварийкой и скорой помощью.

«Извини».

— У тебя это слово в буфере забито на любой случай?

Нет, одним пальцем настукиваю, если понадобится. Мне не трудно.

— Ладно, сегодня прикрою твоё разгильдяйство... но к завтрашнему вечеру чтобы брюква была в двойном размере!

Хороший срок. Как раз для меня.

«Вадик, я завтра не смогу. Особенно вечером».

— Это ещё почему?!

«Говорил же: ситуация. И вообще, наверное, выйду из клана».

— Ты чего это удумал?! А ну не смей!

О, забеспокоился. Ну конечно, чем больше игроков, которых привел он лично, тем выше его вес. Даже такая никчемная единица, как я, все равно стоит голоса.

— Стас, не дури!

Сейчас, одну минуту, только загрузка завершится.

Где там кнопка «Выйти?» А, вот она. И тут же стоит нажать следующую по смыслу. Ага, «Завершить работу», потому что слушать Вадькины вопли нет никакого желания.

На что я могу рассчитывать реально? На одно из общежитий, тех, где сутки обходятся рублей в двести, не больше. В такое место брать с собой что-то, кроме смены белья, опасно, значит, зимние шмотки отправятся в камеру хранения. Техника? Слишком древняя, чтобы её куда-то пристроить. Оставлю Пургену на память. Личные вещи? Все поместится в сумку через плечо. Вот как получается: и собираться толком не надо.

Хотя так жить проще. Налегке. Никогда не понимал людей, тащащих за собой гору всяких сувениров и памятных мелочей. Вы же сами, глядя на какой-нибудь магнитик или открытку, зачастую не можете сообразить, где и когда все это было. Да и с вами ли? Прошедшее быстро забывается, особенно если есть чем занять свою оперативную память. Вон, бабушки года полтора как нет, разве это срок? А подробностей уже не помню. Осталось только что-то светлое и теплое. А детали, черточки... другим голова забита. Была.

Правда, и теперь свободного места не предвидится: все пойдет под думы о будущем. Забрать расчетные документы, приказ об увольнении опять же. Но это как раз не раньше полудня случится: Фанин главбух из утреннего бассейна, дай бог, только к десяти выплывет, потом у нее спа, парикмахер, мани-

кюр... Да, торопиться некуда. Только вот чем заняться, пока не пришло время убираться отсюда восвояси?

Нет, комп включать не буду, там Вадька со своей истерикой меня ждет не дождется. Лучше поболтаюсь по дому. Все-таки сколько лет и нервов на него угробил, что расставаться жалко.

Да и он тоже... грустит. Правда, не по мне, а по приближающейся судьбе. Вон маячки на штукатурке снова потрескались, значит, есть повод составить акт о пришествии в негодность и все такое. Генеральский особняк, может, и не снесут полностью, но флигели порушат сто процентов. А ведь отреставрировать — легче легкого. Ну да, средства понадобятся, но не особо огромные. Шамшатовы воробы, вон, каждую неделю аккумуляторы на дрелях сажают до ниже пола, и новые комплектующие уже обошлись в сумму, которой с лихвой хватило бы на ремонт всего уличного фасада. Если, конечно, нанимать рабочих, умеющих обращаться со сложными инструментами. Да и вообще хоть что-то умеющих.

Тихо тут с утра. Всегда так. Когда хозяева спят допоздна — и прислуга вставать не торопится. Со двора только доносятся сонные голоса. Ну да, выслуживается же табор наш среднеазиатский перед новым начальником.

Коридор, конечно, не метен с вечера. Не моя забота теперь, но все равно противно. Трудно оторваться от телефона на пару минут и помахать шваброй? Хотя что я говорю? Пылесосом и то не заставишь пройтись, а с ним даже напрягаться не надо: сам тебя за собой тащит.

Ворс у ковра не взбит, можно сосчитать все шаги и определить, кто, куда и откуда вчера ходил. К Анжелкиным апартаментам, например, два следа ведут. Туфли на шпильках и ботинки остроносые. У двери вообще целая поляна вытоптана. Странно. Разговаривали, что ли? Такое впечатление, что заходить Пурген не стал. Гордость горская зыграла? Тоже мне, нашел соперника в моем лице! Только девушку расстроил: вон до сих пор глаза на мокром...

Нет, просто влажные. Загадочно поблескивающие.

Всем хороши ковровые покрытия, кроме одного, не считая технологии уборки: позволяют подкрасться незаметно. Ни одного ведь шороха не услышал, а дверь уже распахнута и Анжелка стоит прямо посреди проема, сонная вся такая, домашняя,

как в благородных домах говорят, в неглиже. То есть в одном халатике, под которым...

— Мм?

Обычно в ее взгляде куда меньше осмысленности — одна загадочная рассеянность, но сейчас все наоборот, устремлено к цели. Как и язычок, облизнувший верхнюю губу.

— Мм.

Если она спит без ночнушки, ее дело. Личное. Но сверкать голыми грудями и всем остальным в коридоре, пусть даже если смотреть, кроме меня, некому... Вот это точно не дело.

— Анжела Афанасьевна, ну как же вы так?

— Ммм!

Затолкать ее обратно в комнату удалось достаточно легко, а вот выпутался из цепких объятий я далеко не сразу. Минуты через две и с большими усилиями, что, прямо скажем, удивляло. Памятуя о вчерашней гримасе Пургена, Анжелка должна была шарахаться от меня, как от огня, а не обвиваться всеми четырьмя конечностями сразу и лезть язычком в рот. Если только после ссоры не последовало примирение с кучей подарков, а дочка Фани была девушкой вполне материальной и могла сделать только один вывод. По принципу подобия. И это значит, что вот-вот где-то рядом возникнет...

— Да успокойтесь вы, Анжела Афанасьевна!

Нет, вроде никого вокруг. Уфф! Камер наблюдения в этих комнатах точно нет, потому что личная жизнь госпожи Семеновой — вещь неприкосновенная, а кроме того, слишком однообразная, чтобы имело смысл вести запись. Значит, у меня все еще есть шанс уволиться не ногами вперед, что весьма отраднo. Осталось только избавиться от атакующей самки павиана и убраться подальше.

Попытка отстранить настырную девицу от себя обернулась толчком: Анжелка плюхнулась на постель. Но вместо того, чтобы обидеться или позвать кого-нибудь вроде своего извечного заступника, извернулась всем телом, проявив гибкость, больше свойственную животным, и посмотрела на меня. Призывно.

— Мм?

Ну точно. Самка. Может, я, конечно, совсем перестал что-либо понимать, но не смотрят так женщины. Разве только в тяжелой степени подпития, но здесь даже не пахнет ничем,

кроме духов. Парфюмерии, что ли, нажралась? Нет. Когда лезла целоваться, никакого амбре изо рта не чувствовалось.

— Мм!

Не надо так по кровати елозить! А то не дай бог, что... или кто. Меня Анжелка в таком виде пугает не на шутку, но у того же Сереги представления о приличиях как пить дать другие. Не преминет приступить к активным действиям, если нарвется на это непристойное предложение.

— Анжела Афанасьевна, вы, наверное, не выпались?

Ну да, как же! Полна сил и желания, понятного даже незрячему. По глубокому грудному стону, переходящему то ли в рычание, то ли в мурчание.

— Не поднимайтесь, не поднимайтесь!

Она, правда, и не собиралась: по атласным простыням скадилась с постели и растянулась на ковре, аки львица в разгар течки.

— Мррр...

Что-то Фанина дочурка все-таки выпила. Или съела. Колоется точно не колется: видно ее сейчас всю прекрасно, от пяточек до затылка, чистую и гладенькую. Максимум понюхала. Правда, сама вряд ли решила побаловаться, но вокруг ведь полно щедрых душ...

— Мрр!

Не надо хватать меня за штанину!

Успокоить бы Анжелку. Хоть чем-нибудь. Но не душить же подушкой, право слово. Нет, тут нужен врач. Семейный, видевший многое и молчаливый, как рыба. На какой он у меня быстрой клавише?

А, нашел.

— Вы только не нервничайте, Анжела Афанасьевна, я сейчас позвоню Георгию Христофоровичу, и он все-все уладит.

Гудок. Еще один. Не занято, слава богу!

Третий. Пятый. Двенадцатый. Двадцать второй.

Что за чертовщина? Он же всегда берет трубку не позже третьего.

Опа! Сбой вызова.

Даже так? Быть не может. Наверное, оставил телефон в пальто или еще где. Ну ладно, добегу до его дома, благо тут рядом, через квартал.

— Я на минутку, Анжела Афанасьевна! Никуда не уходите!

Особенно если сможете открыть запертую снаружи дверь.

Не нравится мне все это. Очень не нравится.

Была она всегда дурой, временами — похотливой, чего греха таить. Но не настолько же, чтобы лезть под первого встречного? А тем более под меня, на которого у Анжелки и всей ее семьи давно вырос большой зуб по причине проведенного в непосредственной близости детства. Из других одноклассников одних уж нет, как говорится, а те далече, зато я — прежнее бельмо на глазу. Зоя Аркадьевна, земля ей пухом, отменно выполняла функции ангела-хранителя, но Фаня на память еще не жаловался, и стоит мне хоть где-то и как-то рыпнуться...

Прохладно сегодня. Накинуть на себя что-нибудь не помешало бы. Правда, в комнату возвращаться неохота. Далеко: целый круг по флигелям надо дать. Вот что, загляну-ка я к Шамшату, у него в подсобке должна найтись пара курток. Не зря же закупали перед осенне-зимним сезоном новую рабочую униформу.

Надо же, и тут тихо. Но что еще загадочнее, запахи кружатся в воздухе только ремонтно-строительные и чуть масляные, а должно пахнуть шурпой, тушеным луком и специями. Потому что самое время для завтрака. Это только я на голодный желудок играю в мороза-воеводу, шляясь по владениям, а местные работнички свой режим блюдут свято.

— Шамшат? Вы здесь?

Ничего не фырчит, ничего не шкварчит. Да еще и темновато. Ну это как раз неудивительно: на дворе погоды непогожие, утро едва отличается от позднего вечера, и тени... метутся. Может, даже злобные.

— Шамшат?

Он сконденсировался из сумерек, странно ссутулившийся, а потому кажущийся ниже обычного.

— Мне куртку накинуть, прогуляться надо. Где они тут у тебя?

Ни движения, ни дыхания, только какой-то скрип. Или шорох?

— Шамшат, вы меня слышите?

Хрясь!

Это было черенком лопаты. Когда-то. А сейчас дубиной пронеслось по тому месту, где я только что стоял. И взлетело снова.

— Шамшат!

Он сделал шаг вперед, попадая в узкую полосу оконного

света, а я синхронно попятился. Потому что не узнавал человека, перехватывающего мозолистыми ладонями обломанный черенок...

Имел одной он думы власть, одну, но пламенную страсть. И совершенно противоположную Анжелкиной. У той любовь, у этого — война. И выражение смуглого морщинистого лица не сулило мне ни легкой, ни быстрой, ни вообще победы.

Шаг. Сначала его, потом мой.

Еще шаг.

Вот сейчас он бросится в атаку, и что делать? Отбиваться? Сначала нужно найти чем, а под руку, как назло, не попадаетесь ни хре...

Нет, есть хрен. И не один, а в комплекте с хозяином, едва помещающимся в дверной проем.

Шамшат завопил что-то совершенно неразборчивое, среднее между волчьим воем и горловым пением, я шарахнулся в сторону, а Сереженька, любимый телохранитель Афанасия Аристарховича, шагнул навстречу врагу, вызвавшему его на бой. И краем глаза можно было заметить, что настроение у амбала ровно такое же, как и у старшины наших доремонтников. Воинственно-бессознательное.

Смотреть на поединок Пересвета с Челубеем у меня желания не возникло. Хотя бы потому, что слишком хорошо помнилось, чем он закончился исторически, а история, как правило, обожает повторяться.

Вспину из оставленной позади подсобки неслись звуки настолько жуткие, что несколько поворотов коридора я несясь на полном автопилоте, не вспоминая о куртке, Анжелке, враче и собственном имени. А когда, вылетев на свежий воздух, замедлил ход и сфокусировал зрение, подумал: нет, там, пожалуй, страшно не было. Вот здесь — будет. Страшно.

Бригада у Шамшата не особо многочисленная, с дюжину рыл, плюс-минус парочка. И вроде мирные были всегда с виду, но я чувствовал себя неуютно, даже просто проходя рядом, хотя улыбались, кивали, чуть ли не кланялись. И сейчас они тоже. Улыбались. Как улыбаются дикие звери. А еще смотрели на меня, не отрывая взгляда, сжатые пружинами напряжения.

Порвут. Точно порвут. Я перед ними беспомощнее, чем грелка перед Тузиком. И бежать некуда. Не назад же? В первый раз удалось улизнуть от поединщиков, но второй побег вряд ли

прокатит. Тем более шум приближается, значит, бой постепенно перемещается из подсобки на двор.

Вот и все. Приехали. Были у Стасика планы, да вышли. Полностью и целиком.

Как в старой песне пелось?

Когда от близости спасенья уже кружилась голова, не то с небес, не то поближе раздались горькие слова...

— И все-таки, тебе нужна помощь.

Дежавю. Самое настоящее: та же блондинистая голова, выглядывающая из-за карниза крыши.

— Или снова скажешь, что справишься сам?

— Нет.

Говорить правду легко и приятно? А вот шиш. И вроде стыдиться нечего, силы ведь совершенно очевидно неравны, но как-то неуютно стало от собственного ответа.

Зато моего собеседника моральные категории волновали мало, потому что он сразу же задал следующий вопрос:

— Забраться сюда сможешь?

Я взял паузу. Секунд на пять. И ответил еще честнее, чем в предыдущий раз:

— Нет.

И причины снова объективны донельзя. Во-первых, скалолазание — не мой конек, а во-вторых, элементы внешнего декора не подойдут для опоры даже малолетнему пацанчику. Оборвутся. Потому что держатся только на соплях и честном слове. Вернее, куче слов, пропетых очередной ремонтной бригадой.

Хотелось бы все это объяснить блондину. Зачем? Ну, например, чтобы не считал меня совсем уж безнадежным. А с другой стороны, какая разница, как он обо мне подумает? Даже если скажет, что...

— Плохо.

Ага, это самое. Сказал. Что ж, согласен.

— Ладно, зайдем с фланга.

Флигели здесь не особо большие, этажа в два с половиной, но прыгать все равно высоковато. Для нормального человека. А этот просто взял и сиганул вниз. Солдатиком.

— Ты чего?

— Да вот, решил ноги размять.

В его приземлении был как минимум один позитивный мо-